

— Старший брат? Брат Сяо, ты здесь?

Донесшийся снаружи робкий, вкрадчивый голос мгновенно вырвал Цзи Гуаньци из полузабытья. Он резко сел на постели и повернул голову к выходу. Запертая деревянная дверь скрывала гостя, но узнать этот голос труда не составило.

Лицо Цзи Гуаньци помрачнело. Некоторое время он сидел неподвижно, пытаясь прийти в себя, пока стоявший на улице человек настойчиво продолжал звать:

— Брат Сяо, ты здесь? Это Си Яо. Я принес твое одеяние...

Цзи Гуаньци прикрыл глаза. Стоило услышать это имя, как в голове мелькнула мысль: на пике явно не хватает слуг из числа внешних учеников. Впрочем, тут же подумал он, хоть сотню стражей здесь поставь — толку не будет. Си Яо поднимался сюда так уверенно лишь потому, что за его спиной стоял Сяо Танцин.

Тяжело вздохнув, Цзи Гуаньци попытался проигнорировать назойливого гостя, но тот не унимался. Складывалось ощущение, что Си Яо не уйдет, пока не увидит Сяо Танцина. Его вкрадчивый голосок уже начинал откровенно раздражать, въедаясь в мозг.

Деревянная защелка тихо щелкнула, и дверь распахнулась. Опершись плечом о косяк и прижимая к груди меч, Цзи Гуаньци холодно посмотрел сверху вниз на юношу, стоявшего посреди двора. Тот, одетый в неизменное белое платье, выглядел болезненно худым. В руках он бережно сжимал лиловое одеяние. При виде Цзи Гуаньци на лице Си Яо проступила робкая улыбка, однако в глубине его глаз на мгновение промелькнул страх.

— Старший брат, — тихо произнес он, склонив голову.

— Сяо Танцина еще нет. Если хочешь ждать — жди молча. Если нет — оставь одежду у порога, он увидит, когда вернется, — ровным, лишенным эмоций тоном ответил Цзи Гуаньци. Лишь при взгляде на лиловое ханьфу, принадлежавшее Сяо Танцину, в его глазах промелькнула едва заметная насмешка. — И еще. Насколько мне известно, перед подъемом на пик тебя должны были предупредить: без специального жетона проход сюда закрыт.

Си Яо, явно не ожидавший столь прямого упрека, густо покраснел. Он замялся, после чего виновато пробормотал:

— Прости, я не знал здешних правил... Это больше не повторится.

Сказав все, что нужно, Цзи Гуаньци решил, что на этом разговор окончен. Решит ли Си Яо уйти или останется караулить у дверей — его не заботило, лишь бы вел себя тихо. С этой

мыслью он вернулся в комнату и лег на постель. Однако стоило ему закрыть глаза, как снаружи раздались яростные крики. Кто-то громко и злобно выкрикивал его имя — сомневаться не приходилось, это был Цяо Ю.

— Цзи Гуаньци! А ну выходи! — бушевал ввалившийся во двор Цяо Ю. — Ты, паршивец, посмел пожаловаться на меня наставнику?! Из-за тебя меня наказали! У тебя вообще совесть есть?!

«Пожаловался? Жестоко наказали?»

Эти слова мгновенно привлекли внимание Цзи Гуаньци.

— Цзи Гуаньци! Ты... О, Си Яо? — Гневный ор Цяо Ю оборвался на полуслове.

— Брат Цяо, — мягко отозвался Си Яо. — Я принес верхнее платье брату Сяо.

Следом во дворе появился Сяо Танцин. Он не ожидал увидеть здесь Си Яо и на мгновение замер, переведя взгляд на свернутую ткань в его руках. Когда Си Яо ранили, на улице было сыро и холодно, и Сяо Танцин отдал ему свою накидку, чтобы тот не замерз. Он и подумать не мог, что юноша самолично стирает ее и принесет обратно на пик.

— Вы двое знакомы? — Цяо Ю тут же позабыл про Цзи Гуаньци. С появлением Си Яо все остальное потеряло для него значение. Он подозрительно перевел взгляд с Сяо Танцина на юношу. — Откуда?..

— Не так давно со мной случилась беда, я был ранен, — негромко, с явным смущением объяснил Си Яо, виновато опустив голову. — Брат Сяо спас меня, но я испачкал его одежду кровью. Я выстирал ее, чтобы вернуть... Кажется, моё появление доставило вам неудобства. Это было опрометчиво с моей стороны.

— Все в порядке, пустяки, — отозвался Сяо Танцин.

— Кто посмел тебя ранить?! Только скажи, я из него душу вытрясу! — вспыхнул Цяо Ю.

В этот момент дверь снова скрипнула. На пороге показался сонный Цзи Гуаньци. Прислонившись к косяку, он со вздохом спросил:

— Вы трое вообще спать собираетесь?

Прерванные на полуслове, все трое обернулись к нему. Цзи Гуаньци действительно собирался лечь: длинные волосы были небрежно перехвачены лентой на затылке, а на лице читалось глубокое утомление.

В глазах Цяо Ю снова вспыхнула ярость. Воспоминание о недавней обиде захлестнуло его с новой силой.

— Значит, отрицать не будешь? Наябедничал наставнику?!

— Тебе сколько лет, напомни? — лениво приподняв веки, бросил Цзи Гуаньци.

Его третий младший брат всегда был избалован до крайности. Влиятельная семья, редкий талант — этого хватало, чтобы чувствовать себя хозяином жизни в мире совершенствующихся. И все же ему приходилось подчиняться Цзи Гуаньци, чьи способности были более чем посредственными, и послушно называть его «старшим братом». Неудивительно, что Цяо Ю исходил желчью при каждом удобном случае. Терпеть такое положение для гордеца было истинной пыткой.

— Что?! — Цяо Ю осекся, подозрительно уставившись на него. Он вечно ожидал от старшего какого-то подвоха.

— В восемнадцать лет человек становится взрослым. С наступлением нового года тебе пойдет двадцатый, — Цзи Гуаньци не выпускал из рук Меч Благородного Мужа. Пережив предательство в прошлой жизни, он больше никогда не оставлял оружие без присмотра. Белое ханьфу, простой тканевый пояс на талии — он выглядел собранным, изящным и опасным, а в его темных глазах сквозила откровенная насмешка. — Почти разменял третий десяток, а ума — как у ребенка. Только и умеешь, что кулаками махать да обвинять других без разбору. Поистине, великое дарование нашего ордена, надежда поколения.

Никто и никогда не смел разговаривать с Цяо Ю в подобном тоне. И уж тем более — Цзи Гуаньци! Тот самый покорный, тихий Цзи Гуаньци, который раньше безропотно сносил любые капризы и вечно подчищал за ним грязь!

Цяо Ю опешил. Пока он хватал ртом воздух, пытаясь подобрать слова, дверь перед его носом захлопнулась. Придя в себя, он с яростным ревом вскинул Лук, Преследующий Луну, готовый разнести лачугу в щепки, но поперек его пути лег холодный клинок Сяо Танцина.

— Прочь! — прошипел Цяо Ю, стискивая зубы. — Я сегодня же покажу этому ничтожеству, что такое истинная сила! В нашем мире все решает кулак, а не пустая болтовня! Он что, действительно возомнил себя главным только из-за дурацкого титула старшего брата?!

— Ты забыл, что сегодня сказал наставник? — Сяо Танцину пришлось напомнить об авторитете Бессмертного почтенного Чжэньняня, чтобы остудить пыл младшего.

Сияние духовной энергии на луке угасло. Цяо Ю тяжело дышал, его лицо пошло багровыми пятнами от ярости. Не в силах сдержать гнев, он резко натянул тетиву и выстрелил. Стрела с сухим треском пробила деревянную дверь и со свистом полетела прямо в лицо Цзи Гуаньци. Тот даже не шелохнулся — Меч Благородного Мужа мгновенно покинул ножны, и стальной

блеск перерубил древко пополам.

Духовный меч, связанный с душой хозяина, тонко чувствовал его эмоции. Цзи Гуаньци презирал этих людей, и его клинок отвечал им тем же безмолвным презрением.

Внутри у Цзи Гуаньци все кипело от ярости. Он был зол ничуть не меньше Цяо Ю, но рассудок быстро взял верх. Ввязываться в драку сейчас — верх глупости. Если их шум привлечет внимание У Синбая и тот наложит очередное наказание, это сорвет его план побега из ордена Сюаньтянь. Рисковать будущим ради сиюминутной мести он не собирался.

— Идем ко мне, — приказал Цяо Ю, грубо выхватив лиловую накидку из рук Си Яо и швырнув ее Сяо Танцину. — Ему, видите ли, нельзя сюда без жетона! А со мной — можно. Если кто-то из надзирателей спросит, скажи, что это мое личное распоряжение.

Плевать он хотел на устав ордена. Его отец — сам глава ордена, кто посмеет перечить молодому господину? Единственным человеком, чье недовольство заставляло Цяо Ю трепетать, был его наставник, У Синбай.

Цяо Ю потащил Си Яо в свою комнату. Три их небольших домика стояли на одном уединенном пике, образуя общий двор, и жилье Цяо Ю находилось дальше всего от хижины Цзи Гуаньци. Младший брат ожидал, что старший попытается преградить им путь, воспользовавшись правом блюстителя порядка, однако за спиной царил мертвая тишина. Это безразличие заставило Цяо Ю нахмуриться — он решительно не понимал, что задумал Цзи Гуаньци.

Сяо Танцин проводил их долгим взглядом. Затем он медленно подошел к пробитой стрелой двери и негромко постучал.

— Что еще? — слышалось изнутри.

— Старший брат, — тихо произнес Сяо Танцин. — Отдыхай.

Ответа не последовало. Сяо Танцин постоял у порога, не понимая, зачем вообще заговорил с ним, вздохнул и ушел к себе.

Глубокой ночью в густой тени старого дерева у забора стоял человек. Он неотрывно смотрел на темные окна домика Цзи Гуаньци, до белизны в костяшках сжимая пальцами шершавую кору. Силуэт казался недвижимым изваянием. Лишь когда первые рассветные лучи коснулись вершушек гор, незнакомец бесшумно растворился в тумане.

Утром Цзи Гуаньци, собравшись на Великое собрание орденов, вышел во двор. Проходя мимо векового дерева, он краем глаза заметил нечто странное и остановился. На стволе виднелись свежие, глубокие следы от чьих-то пальцев, словно кору сдирали с неистовой силой. Цзи Гуаньци нахмурился, огляделся по сторонам, но не заметил ничего подозрительного.

— Вчера этого не было, — пробормотал он под нос. — Наверняка Цяо Ю опять вымещал злость на дереве. И как я раньше не замечал, какой он несносный крикун?

Великое собрание орденов традиционно совмещалось с набором новых учеников. Однако в этот раз из-за того, что три дня назад над Сюаньтянь поднялся Великий Защитный Барьер Ордена, опоздавшие практики не смогли попасть внутрь, так что людей у главных ворот собралось заметно меньше обычного. В прошлой жизни из-за тяжелых ран Цзи Гуаньци пропустил это торжество, но теперь судьба дала ему шанс увидеть все своими глазами.

— Старший брат!

— Доброго утра, старший брат Цзи.

— Прошу вас, старший брат, проходите сюда.

Встречные ученики почтительно кланялись. Обычно подготовкой подобных празднеств занимался лично Цзи Гуаньци, но в этом году он не приложил к организации ни малейших усилий. Впрочем, рядовым адептам не было дела до причин его внезапной праздности.

— Говорят, среди прибывших на отбор практиков объявился кто-то с невероятным талантом.

— Подумаешь, каждый год пара-тройка таких находится, — фыркнул другой ученик внешнего круга. — Их сразу забирают старейшины в личные ученики. Нам до этих гениев дела нет.

— Да нет же, в этот раз все иначе! — вмешался третий, заговорщически понизив голос. — Поговаривают, его природный дар ничуть не уступает способностям братьев Сяо и Цяо. Интересно, решится ли Бессмертный почтенный Чжэньнань нарушить свое правило и взять четвертого ученика?

— Вряд ли. В свое время достопочтенный ясно дал понять, что ограничит круг преемников тремя людьми, — усомнился первый. Он вздохнул и с завистью добавил: — С братьями Сяо и Цяо все понятно, они рождены для великих дел. А вот старший брат Цзи... Эх, везет же некоторым в жизни.

В их голосах сквозила неприкрытая досада. Стоило Цзи Гуаньци приблизиться, как сплетники мгновенно прикусили языки и застыли в глубоком поклоне, провожая его взглядом.

Цзи Гуаньци лишь мысленно усмехнулся. Подобные перешептывания за спиной он слушал годами и давно перестал на них реагировать. Конечно, ему самому было горько из-за потерянной силы. Вернись он в прошлое на пару десятков лет раньше... возможно, он тоже блистал бы среди признанных гениев ордена.

Если бы колесо перерождения повернулось на несколько лет назад, он никогда бы не признал У Синбая наставником. Не стал бы жертвовать собой ради него, калеча собственные меридианы. В той жизни его духовные каналы оказались разорваны, накопленная ци рассеялась без следа, а некогда прочный фундамент культивации превратился в пыль. Из-за этого сейчас его развитие остановилось на самом жалком уровне.

«Если бы только...»

Он посмотрел на ладонь и тихо вздохнул.

Впрочем, глупо жаловаться. Сама возможность прожить вторую жизнь — великое благословение небес. А что касается поврежденного духовного корня... Как только он покинет орден Сюаньтянь, то обязательно найдет способ исцелить себя. Под этим небом сокрыто множество тайн и легендарных сокровищ, способных творить чудеса. Одно из них непременно вернет ему былую силу.

Как только его шаги затихли вдали, ученики внешнего круга снова зашептались:

— И все-таки странно, почему почтенный сделал именно старшего брата Цзи главным учеником?

— Сам толком не знаю. Ходят слухи, будто много лет назад, когда Бессмертный Чжэньнань вышел из уединенной медитации, глава ордена лично попросил его взять мальчишку под крыло, — неуверенно произнес один из них. — Но это лишь слухи, за верность не ручаюсь.

— Да чушь это! Если бы просил сам глава Цяо, разве стал бы он задвигать собственного сына на место третьего ученика, уступая первенство чужаку? — покачал головой другой. — Хотя... надо признать, Меч Благородного Мужа сидит в руке старшего брата Цзи как влитой. Наверное, больше никто в целом свете не смог бы подчинить себе этот клинок.

Цзи Гуаньци стоял на вершине белокаменной лестницы, заведя руки за спину. Он был высоким, с безупречно прямой осанкой, его длинные волосы были собраны в высокий хвост под серебряным венцом. Простой пояс выгодно подчеркивал тонкую талию. Всем своим видом он напоминал обнаженный, безупречно выкованный клинок — благородный, чистый и смертоносный.

Появление Си Яо у подножия лестницы вызвало среди собравшихся заметное оживление. Сам по себе он никого не интересовал, но тот факт, что его сопровождали Сяо Танцин и Цяо Ю, мгновенно приковал к нему сотни любопытных взглядов.

— Не бойся, — подбадривал его на ходу Цяо Ю. — Старейшины нашего ордена — мастера

своего дела. К тому же вчера я поговорил с отцом, чтобы он взял тебя в ученики. Тебе вообще не о чем беспокоиться, с твоим выдающимся талантом место в Сюаньтянь тебе обеспечено. Я лично ручаюсь за это.

— Но это ведь... не совсем честно по отношению к остальным, — смущенно пролепетал Си Яо, опустив ресницы.

— Что тут нечестного? — Цяо Ю, как раз поравнявшись с Цзи Гуаньци, ядовито ухмыльнулся и громко добавил: — Ты одарен от природы, и рекомендовать тебя — благое дело для ордена. Это куда лучше, чем держать на почетных местах тех, кто этого совершенно не заслуживает.

Цзи Гуаньци медленно повернул голову. Его холодный взгляд скользнул по Цяо Ю и на краткий миг задержался на лице Си Яо. Юноша тут же отвел глаза. Мимолетного внимания старшего брата хватило, чтобы Цяо Ю мгновенно ошетинился. Шагнув вперед и заслонив собой Си Яо, он процедил сквозь зубы:

— Если у тебя есть ко мне претензии — говори прямо. Но если я узнаю, что ты строишь козни за спиной Си Яо, пеняй на себя. Пощады не жди.

— Что я там говорил тебе вчера про возраст? — покачал головой Цзи Гуаньци.

Ему действительно не хотелось ввязываться в глупые перепалки с младшим братом, но тот упорно напрашивался на грубость. Раньше Цяо Ю старался лишний раз с ним не пересекаться, лишь презрительно кривился при встрече. Что за муха укусила его теперь?

— Что?! — Лицо Цяо Ю вспыхнуло от гнева. — Цзи Гуаньци, ты!..

Цзи Гуаньци лишь небрежно отмахнулся:

— Вижу, напоминать не нужно. Ты и сам прекрасно понимаешь, о чем я.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и направился к своей трибуне, оставив закипающего от злости Цяо Ю и безмолвного Сяо Танцина позади.

Си Яо проводил взглядом уходящего Цзи Гуаньци. В его глазах отразилась сложная гамма чувств, но он быстро взял себя в руки и с поклоном обратился к спутникам:

— Братья, мне пора занять свое место среди соискателей. Благодарю, что проводили меня.

— Ступай, — тепло улыбнулся ему Цяо Ю. — И помни: если кто-то посмеет тебя обидеть — сразу говори мне. Я быстро наведу порядок.

Едва он договорил, как Сяо Танцин молча направился к судейским трибунам. Места трех личных учеников У Синбая располагались рядом, во главе с Цзи Гуаньци как старшим преемником. Прямо перед ними возвышалось почетное кресло их наставника. Оно по-прежнему пустовало. Хоть Бессмертный Чжэньнань недавно и завершил свое уединение, никто из присутствующих не надеялся, что великий мастер почтит собрание своим личным присутствием.

— Старший брат, — негромко обратился Сяо Танцин, занимая соседнее кресло. — Как ты себя чувствуешь? Потоки ци в твоих меридианах все еще бушуют?

— Все пришло в норму, — коротко бросил Цзи Гуаньци, не желая развивать тему.

— Когда собрание подойдет к концу, тебе стоит... — Сяо Танцин не успел договорить.

Над площадью прокатился взволнованный шепот, переросший в громкий возглас:

— Бессмертный почтенный Чжэньнань!

Цзи Гуаньци невольно проследил за направлением сотен взглядов. Из клубов легкого тумана на помост неторопливо сошел У Синбай. Он никогда не жаловал подобные сборища, и его внезапное появление заставило даже главу ордена изумленно приподнять брови.

Присутствующие дружно поднялись со своих мест. Над площадью разнесся слаженный гул голосов:

— Приветствуем Бессмертного почтенного! Желаем долгих лет совершенствования!

Цзи Гуаньци вместе со своими младшими братьями также склонился в поклоне:

— Приветствуем наставника.

«Надо же, как сильно У Синбай дорожит этим мальчишкой Си Яо. Ради него он даже пренебрег своим отвращением к шумным сборищам».

Цзи Гуаньци стоял с опущенной головой, демонстрируя безупречную покорность, но на его губах играла едва заметная горькая усмешка. Он прекрасно понимал мотивы своего учителя. В этой жизни он просто наблюдал со стороны за событиями, в которых раньше не смог принять участия.

Даже не поднимая глаз, Цзи Гуаньци физически ощущал на себе тяжелый, пронзительный взгляд У Синбая. От этого взгляда по спине пробежал холодок, заставив его склониться еще ниже. Вызывать подозрения или навлекать на себя гнев наставника сейчас было крайне

опасно. Цзи Гуаньци трезво оценивал свои силы: против этого могущественного мастера у него не было ни единого шанса. Опыт прошлой жизни, закончившейся безжалостной казнью от рук учителя, слишком глубоко врезался в память. Умирать во второй раз Цзи Гуаньци не планировал.

<http://bllate.org/book/20080/1994987>